

В следующую секунду он от страха обмочился, но нож так и не вошел в тело — это была лишь угроза.

Если бы его не напугать, в следующий раз он бы снова попытался схватить его жену.

Вэнь Гули воткнул нож прямо в землю. Когда человек обмочился от ужаса, он без лишних слов бросил клинок и бросился на выход.

Ли Лун теперь прятался в углу, рыдал навзрыд, как маленький ребенок, и выглядел жалким beyond belief.

Ту Фэй увидел, до чего тот дошел, и применил свой коронный прием — пнул его правой ногой:

— Задавлю тебя, задавлю!

...

Вэнь Гули в спешке добежал до дома, но, войдя, увидел такую картину.

Его маленький зайчик прижал Су Тубао к земле, душил его руками. Лицо жертвы покраснело, он не мог дышать, а его терли об пол. Увидев это безумие, Цай Сяохун и Су Юцянь в ярости бросились вперед. Цай Сяохун пнула его ногой.

Она хотела оттолкнуть его руками, но силы было не взять. Тот душил ее сына. От боли за ребенка, от страха, что его сейчас задушат, она пнула его, приговаривая:

— Этот скот, прекрати! Отпусти сына! Я тебя задавлю, задавлю, скотина! Отпусти моего сына!

Су Чжиэнь был на пределе. Даже несмотря на пинки он не разжимал рук. Он хотел убить этого человека. В его глазах горел огонь, он перестал все чувствовать, он должен был его задушить.

Сначала разобраться с тем, кто издевался над ним с детства, а потом с этой парой.

Цай Сяохун испугалась за жизнь сына и со слезами закричала на Су Юцяня:

— Ты что, бездельник? Чего стоишь? Быстрее неси нож, отруби руки этой стерве! А то сына наших убьет, не видишь, что ли? Тебе сына не жалко? Эта стерва — чужая, не родная тебе! Быстрее отруби ей руки!

Су Юцянь засуетился. Ведь это его родной сын, единственный, кто в старости должен был его поддержать. Если с сыном что-то случится — конец. Голова пустилась туманом, он побежал за ножом, чтобы отрубить руки, не дать убить его родного сына.

Вэнь Гули как раз увидел, как эта стерва пинает его маленького зайчика. Он мгновенно подскочил и пнул ее так сильно, что она отлетела в угол, ударившись затылком о стену.

Вэнь Гули не знал, что произошло, но если его маленький зайчик вышел из себя так сильно, значит, его серьезно задели.

Видя, что Су Чжиэнь действительно собирается задушить человека, Вэнь Гули бросился оттаскивать его и уговаривать:

— Су Чжиэнь, успокойся. Ты поступил в университет, ты сдал экзамены в Университет Бэйхуа. Если ты убьешь человека — потеряешь все. Если хочешь кого-то убить — отпусти, я убью

вместо тебя. Скажи, кто тебе нужен, я убью любого. Твои руки не должны быть в крови, я возьму всё на себя. Если за это нужно сесть в тюрьму — сяду я.

Су Чжиэнь потерял рассудок, он был вне себя. Ему хотелось схватить нож и перерезать всю эту семью. Услышав эти слова, он вдруг разжал руки и посмотрел на Вэнь Гули красными от слез глазами.

Только что он действительно потерял контроль, чуть не убил человека. Если бы он это сделал, его жизнь была бы закончена. Он так старался, получил второй шанс, поступил в хороший университет, а теперь из-за убийства мог бы оказаться за решеткой. Это было слишком несправедливо. Он немного успокоился, но, отпустив жертву, не смог принять происходящее. В панике он вскочил и побежал прочь.

Вэнь Гули побежал следом, боясь, как бы тот не наделал глупостей под воздействием стресса.

Су Юцянь неуверенно вышел изнутри с ножом в руках и, оглядевшись, спросил:

— Чжиэнь? А где Чжиэнь? Куда он делся?

Цай Сяохун, ударившись затылком, стонала от боли. Услышав вопрос мужа, она вспыхнула еще сильнее:

— Су Юцянь, у тебя что, мозг набекрень? Еще время думать об этом маленьком ублюдке! Тебе сейчас не о сыне ли пора подумать? Сын чуть не погиб, а ты о нем! Посмотри, что ты натворил! Не будь у сына ангельской выдержки, он бы уже был труп! Всё это из-за того, что ты оставил это злое отродье. Если бы тогда послушалась меня и закопала его в землю, ничего бы этого сейчас не было!

Су Юцянь роняет нож на пол и рыдает, чувствуя свою вину и ничтожность.

Теперь он не знал, прав ли он был.

Может, усыновление этого ребенка было ошибкой? Нужно было с самого начала либо задушить его, либо закопать, и тогда дома не было бы такого хаоса.

...

Су Чжиэнь был зол и ему было больно. Он не мог представить, что люди, которых он считал семьей все эти годы, на самом деле не были ему родными.

Правда была гораздо жестче, чем он думал. У него не было семьи, не было родных. Он был сиротой. Мама умерла при родах, а папа сказал, что он бастард, и бросил его.

Он всегда думал, что мама и папа просто его не любят.

Он даже не предполагал, что они не родные. У него ничего не осталось. Он был сиротой, его никто не хотел, неудивительно, что его никто не любил с детства.

Даже издевательства он мог терпеть, думая, что это семья. Он думал, что у него есть родные. Но теперь, осознав, что он сирота и его никто не любит, он понял: он убил свою маму, а папа его бросил.

Су Чжиэнь не плакал, когда в детстве его били плетью. Он знал, что мальчики не должны плакать, мальчики не должны проливать слезы.

Но сейчас он сломался. Он не мог сдержать слезы, они текли ручьем. Он бежал, на ходу вытирая их рукавом.

Вэнь Гули гнался за ним. К счастью, у него были длинные ноги, и он быстро догнал Су Чжиэня. Испугавшись, что с ним что-то случится, он преградил ему путь, широко расставив руки, и прижал к себе, не давая бежать дальше.

Су Чжиэнь еще секунду назад плакал и бежал, а теперь оказался в объятиях Вэнь Гули и окончательно разрыдался у него на груди.

Вэнь Гули, казалось, понял, в чем дело. Он поглаживал его по голове, похлопывал по спине, стараясь успокоить:

— Все хорошо. Я с тобой, я с тобой. Если тебя никто не любит — я люблю. Вэнь Гули никого не любит, любит только Су Чжиэня. Кроме Су Чжиэня, мне никто не нужен. Су Чжиэню достаточно, чтобы его любил я.

Су Чжиэнь услышал это и заплакал еще сильнее, рыдал так, что не мог переводить дыхание:

— Я сирота... Я убил свою маму... Они не мои родные родители... Папа сказал, что я бастард, что я ему не нужен... Они меня не любили только потому, что я не родной... Получается, меня действительно никто не хочет.

Вэнь Гули смотрел на его безутешные рыдания. Даже такой жесткий человек, как он, не мог удержаться от слез. Он обнял Су Чжиэня и стал утешать его с нежностью, которой в нем раньше никто не видел:

— Я с тобой, я с тобой. Су Чжиэнь, ты нужен мне.

...

Полчаса спустя.

Вэнь Гули, видя, что Су Чжиэнь немного успокоился, отвел его на мост в их деревне и усадил на перила.

Он же мужчина, зачем ему носить с собой салфетки, как какой-нибудь бабе? Хотел вытереть ему слезы, но салфетки не оказалось, пришлось использовать собственную руку, стирая следы слез и соплей.

— Гляди, как ты разревелся, фонари под глазами, сопли течут. Какой некрасивый. Хорошо, что я тебя не брезгую, — Вэнь Гули терпеливо вытирал ему лицо, а потом поцеловал в губы. — Успокоился? Все еще сердисься? Тебе больно? Глаза-то у тебя сейчас как грецкие орехи.

<http://bllate.org/book/17683/1649195>